

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 39+81+82.091

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120

© *И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитоновна*

О СЛОЖНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ*

В статье представлены материалы социологических опросов населения Чувашии за 2015–2019 гг. по проблемам этнокультурного развития и межнациональных отношений в республике. В ходе исследования получены достаточно устойчивые результаты, свидетельствующие о выборе частью респондентов сложной этнической и языковой идентичности: они относят себя одновременно к русским и чувашам, указывают в качестве родных русский и чувашский языки. Выбор двух (редко трех) родных языков наблюдается обычно в два-три раза чаще, чем признание себя носителем сложной этнической идентичности. Сравнение уровней суждений по поводу некоторых этнокультурных ситуаций позволяет говорить о возможности выделения группы лиц, прежде всего со сложной этнической идентичностью, в относительно самостоятельную группу, дрейфующую со своими оценками и предпочтениями между группами русских и чувашей, с переходом в отдельных вопросах границ групп, мнений которой они в основном придерживаются.

Ключевые слова: *Чувашская республика, самоидентификация, этничность, родные языки, культурная сложность*

Ссылка при цитировании: *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитоновна В.Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 104–120.*

Материалы социологических опросов, этнографические наблюдения уже достаточно продолжительное время свидетельствуют, что определенное число российских граждан выбирают в ходе самоидентификации не одну, а две, иногда – три близкие для себя культурные группы, с которыми они связывают свою принадлежность. В еще

Бойко Иван Иванович – д.и.н., главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: boyko2003@yandex.ru

Долгова Алевтина Петровна – к.филол.н., ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: enzenz@yandex.ru

Харитоновна Валентина Григорьевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: val1957@rambler.ru

* Статья написана при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

большей степени наблюдаются примеры выбора нескольких, чаще двух, родных языков. То есть речь идет о культурной сложности на уровне отдельного человека. В российской науке возможность и реальность таких предпочтений обозначил В.А. Тишков. Например, в феврале 1992 г. в «Независимой газете» он писал об индивидуальном выборе на «лояльность или принадлежность к той или иной культуре или к нескольким сразу» (цит. по перепечатке в ст.: *Тишков* 2005: 39). Такая позиция получила как своих сторонников, так и оппонентов. По словам Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, «отечественные и зарубежные ученые фиксируют и сдвоенную идентичность, и символическую (люди ощущают свою идентичность, но без участия в практике той или иной культуры и, тем более, без участия в формальных и неформальных организациях), и так называемую квазиэтничность, когда человек, имеющий родителей разной этнической принадлежности, идентифицирует себя с этническим большинством» (*Арутюнян, Дробижева* 2014: 107–108). Е.А. Хабенская обращает внимание на то, что основываясь на данных эмпирических исследований этнопсихологов, «особенно в полиэтничных мегаполисах со сложной структурой, многие авторы приходят к выводу, что возможна одновременная самоидентификация индивида с двумя и более этническими общностями, то есть что несколько идентичностей в сознании одной личности могут существовать вполне независимо друг от друга» (*Хабенская* 2006).

В практической плоскости попытки фиксировать реально складывающуюся ситуацию в ходе переписей населения оказались не очень успешными, хотя материалы обследований в различных регионах страны свидетельствовали, что значительная часть граждан допускает не только сложность этнической идентичности, но и возможность ее смены на протяжении жизни. Следует отметить, что в переписи населения 2002 г. по предложению В.А. Тишкова была произведена ступенчатая группировка ответов на уровне «группа/подгруппа». Например, крышены и сибирские татары были указаны как подгруппы татар. Одной из задач учета таких группировок и была возможность показать феномен сложной идентификации (*Тишков* 2013: 326).

В ходе реализации проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» были получены результаты, свидетельствующие, что почти половина респондентов в той или иной степени не воспринимает идею о двух или более национальностях у человека, однако поддерживает эту идею только чуть меньшая часть (42%). В ходе работы над этим же исследовательским проектом были получены материалы, свидетельствующие о том, что 46% участников опроса не были согласны с возможностью смены национальности, но более трети (35%) оказались солидарными с подобной постановкой вопроса. Кроме того, десятая и пятая часть опрошенных не смогли дать определенный ответ на эти вопросы (*Тишков* 2011: 52–53).

На наш взгляд, представляет интерес возможность выявления особенностей самоидентификации таких лиц для того, чтобы вести речь о выделении границ групп со сложной этнической и языковой идентичностью. Продуктивным с этой точки зрения может быть сравнительный анализ уровня предпочтений различных этнокультурных маркеров, проявляющихся у членов таких групп, с вариантами, преобладающими в «традиционных» коллективах. При этом важно подчеркнуть, что сам набор маркеров весьма распространен для категорий с простыми и сложными идентичностями. Речь при этом идет о частоте предпочтений в различных группах обследованных.

Для решения поставленной задачи воспользуемся материалами ряда социологических опросов в Чувашии. В республике свыше 10 лет проводятся мониторинговые

обследования населения по общей программе «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике», в ходе которых опрашивается по 600 жителей региона соответственно их поселенческому, гендерному, возрастному распределению. Также несколько лет ведутся опросы студентов и учащихся, в ходе которых выявляются их гражданские позиции, отношение к учебе, общественной работе, оценка этнокультурной ситуации и т.д. Выборка при этом обычно составляет 400–600 человек. Мы будем пользоваться данными, полученными в ходе мониторинговых опросов 2015, 2017 и 2019 гг. В результате мы можем уверенно утверждать, что при опросах населения 5–7% от их числа, отвечая на вопрос о своей национальной принадлежности, не ограничиваются единичным выбором. Чаще всего они отвечают, что являются одновременно чувашами и русскими (вариант – русскими и чувашами). Такой выбор сложных идентичностей вполне объясним, поскольку русские и чувашаи в сумме составляют свыше 90% населения республики. Есть случаи и других предпочтений: татарин и чуваш; мордвин и русский; украинец и русский и т.д., но обычно это единичные ответы. Студенты чаще определяют свою принадлежность к разным культурам: таких насчитывается в среднем около 12–14% (опросы 2018 и 2019 гг.), свыше 90% из них причисляют себя или к русским, или к чувашам. При заполнении анкеты такие респонденты чаще предпочитают вариант с отдельным упоминанием двух или трех национальностей. Реже наблюдаются случаи, когда интервьюер записывает, например, такой сложный ответ, как русский чуваш или же чувашский русский.

Если вести речь о сложной языковой идентичности, то доля лиц, избравших в качестве родного не один, а два, в редких случаях – три языка, достигает при опросе всего населения 20–22% (2018–2019). Среди молодежи таковых насчитывается больше. Например, в 2018 г. за два языка в качестве родных высказались 26% студентов вузов, спустя год их оказалось почти треть (31%). В 2016 г. проводилось обследование студентов и учащихся среднего и начального профессионального образования. В составе данного контингента для 35% родными были как русский, так и чувашский языки. Этот выбор языков преобладал в абсолютном большинстве случаев, что вполне естественно для Чувашии.

Понятно, что имеется тесная корреляция между национальностями респондентов и их родными языками. Так, например, для 97% опрошенных в 2019 г. жителей республики, считавших себя русскими, родным был только один язык – русский. Почти 3% выбрали русский и чувашский языки в качестве родных и менее одного процента определили в качестве такового чувашский язык. Для чувашей распределение родных языков было следующим: за чувашский высказалось немногим менее двух третей респондентов (62%), за русский – 10%, за чувашский и русский одновременно – 28%. Наконец, у участников опроса, выбравших сложную этническую идентичность, оказались равные доли русского языка как родного и двух языков в качестве таковых (по 47%). Остальные 6% отдали предпочтение чувашскому языку.

За годы наблюдений получены достаточно устойчивые результаты, свидетельствующие, что оценки различных этнокультурных ситуаций лицами, избравшими смешанную этническую и языковую идентичность, отличаются от мнения респондентов, считающих себя только чувашами или только русскими, а также тех, для которых родной язык был в единственном числе. Иначе говоря, можно вести речь о достаточной самобытности этой категории населения, в первую очередь применительно к тем проблемам, которые имеют этнокультурные особенности.

Следует также уточнить, что в связи с изменением отдельных задач исследования, итоги мониторинговых опросов не всегда сопоставимы, а обследования студенческой молодежи ежегодно посвящались отдельным проблемам, но во всех из них участникам задавался вопрос об их национальности и родных языках. Полученные нами материалы дают возможность охарактеризовать только отдельные стороны проявления сложной этнической и языковой идентичности, а не с точки зрения достаточно системного подхода к ее формированию, поскольку все обследования решали собственные задачи. Иначе говоря, эти опросы не дают достаточного материала для выявления набора когнитивных, эмоциональных и регулятивных компонент этнического самосознания респондентов.

Важно отметить и следующее. В опубликованной в 2016 г. статье мы приводили данные ряда обследований населения Чувашии, в которых вопросы о родных языках и национальностях респондентов формулировались по-разному. В части анкет эти вопросы содержали разъяснения и примеры сложных языковых и этнических идентичностей, в других – нет. Полученные материалы закономерно свидетельствуют, что чем меньше подобных разъяснений и примеров, тем ниже доля лиц, склонных к выбору не одной, а двух или трех идентичностей, или родных языков. Понятно, что подсказки при опросах искажают «чистоту эксперимента», но в данном случае мы сознательно шли на это, поскольку следует помнить особенности вопросов, например, о национальной принадлежности. В силу не только определенных традиций, но и существовавшей в свое время фиксации в официальных документах (паспорт, различные анкеты, удостоверения и др.) только одной национальности, респонденты нередко не допускали мысли об отсутствии любых запретов на возможность указать принадлежность к двум, трем этническим группам. Чтобы разъяснить ситуацию, в анкеты и включались «подсказки». При этом нарушений каких-либо официальных предписаний не было, и такой выбор соответствовал реальному положению дел. При опросе в 2011, 2013 и 2014 гг. различных молодежных групп (студенты, студенты и учащиеся, школьники) разница при выборе такой сложной идентичности, как чуваш+русский, колебалась от 2,5 до 17–18%. В ходе опросов населения республики в 2012, 2013, 2014 гг. такую смешанную идентичность выбирали соответственно 4, 13 и 2% (Бойко, Харитоновна 2016).

Во всех обследованиях, материалы которых используются в данной статье, вопрос о национальности содержал разъяснение о том, что можно выбрать не один ответ.

В первую очередь выясним мнение опрошенных в Чувашской Республике о самой возможности иметь не только одну этническую принадлежность и не один родной язык. В обследованиях населения и студенческой молодежи республики использовались формулировки, применявшиеся в ходе опросов по программе Распределенного научного центра и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), в том числе и в Чувашии.

Материалы, представленные в табл. 1, показывают, что, русские по сравнению с чувашами, в большей степени восприимчивы к множественной этнокультурной идентичности, хотя дистанция в этом отношении достаточно близка. Чуваша с этой точки зрения выглядят консервативнее, хотя в случае с возможностью выбора более одного родного языка они на 2 процентных пункта опережают русских. Вполне возможно, что практическое равенство в данном случае отражает реальное положение дел с распространением билингвизма в Чувашии и высоким уровнем владения русским языком представителями всех этнических сообществ.

Группа лиц, в чьей самоидентификации отражена культурная сложность, является самостоятельной и отличающейся по выбору вариантов ответов на этот вопрос. Вполне закономерно, что заметное большинство из их числа выбрало вариант ответа, который допускает возможность более чем одной национальности и более чем одного родного языка. В то же время следует обратить внимание и на некоторое противоречие при выборе первых двух вариантов, предполагающих возможность у человека только одной национальности.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, может ли человек заявлять, что у него не одна национальность и один родной язык, а больше?» (2019, %)

	Всего*	Этнические группы, в т.ч.			Родные языка, в т.ч.		
		русские	чуваши	русские+ чуваши**	русский	чувашский	русский+ чувашский
У одного человека может быть только одна национальность и один родной язык	41	39	44	15	36	54	24
Можно иметь только одну национальность, но более одного родного языка	31	31	33	17	33	26	38
Можно иметь более одной национальности и более одного родного языка	24	27	19	62	28	16	33
Затрудняюсь ответить, другое	4	3	4	6	3	4	5

* В данном столбце учтены ответы всех опрошенных, среди которых было около 5% представителей этнических групп, не указанных в таблице.

** Здесь и далее для удобства использован только один из вариантов названий данной этнокультурной группы.

На наш взгляд, в данном случае можно выдвинуть предположение, что для респондентов этой группы, ответивших отрицательно на возможность выбора более одной национальности, такой единственной является сложная этническая идентичность. Формулировка вопроса, его графическое оформление предполагают как бы некую сумму национальностей (более одной), но для опрошенных реальной является интегральное восприятие своих этнических маркеров, а не их механическая и пропорциональная сумма из группы русских и чувашей. Конечно, речь может идти и о некотором непонимании вопроса, что также повлияло на выбор вариантов ответа. Полагаем, эта проблема должна быть рассмотрена более подробно и с учетом выска-

занного предположения. Л.Р. Низамова, исследовавшая этническое самосознание и межпоколенную трансмиссию этничности студентов Казанского университета, обратила внимание, что часть респондентов из смешанных по национальности семей, записывали свою этническую принадлежность через черточку, дефис, соединение двух национальностей в одном слове (например, татарус) и др. Из всех студентов, составивших смешанную выборку, около 37% отнесли себя к представителям двух (нескольких) этнических культур (Низамова 2013: 174–176). Б.Е. Винер, приводя примеры проявления сложных идентичностей, обращается к опыту американских исследователей, опросивших белое население в одной из городских агломераций штата Нью-Йорк, которое на одну треть происходило из моноэтнических семей, а на две трети – из этнически смешанных. Но во время опроса лица смешанного происхождения распались на две почти равные по численности группы. Одна из них идентифицировала себя только с одной родительской категорией, а другая – с несколькими одновременно (Винер 2005: 149).

Учет сложной языковой идентичности при ответе на данный вопрос показал следующее. Среди лиц, выбравших возможность более одного родного языка, – не только русские+чуваша, но и часть тех, кто определяет себя чувашами, и незначительная доля тех, кто считает себя русскими. Такое распределение сказывается на более частом выборе только одной национальности. Но можно утверждать, что и в данном случае прослеживается наличие трех этнокультурных групп.

Далее рассмотрим категоризацию этнической и языковой идентичности респондентов путем сравнения ответов на вопрос об общих чертах «своих» этнокультурных групп. Всего было выделено 10 категорий, среди которых большинство прямо или косвенно представляли элементы культуры, но в таблице 2 оставлены 6, частота выбора которых хотя бы по одной группе равнялась или приближалась к 20%. В целом набор важнейших индикаторов при этнической идентификации практически соответствует наиболее выбираемым из них представителями различных народов. Так, Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова, ссылаясь на данные мониторинга Института социологии РАН, отмечают, что выраженными этническими индикаторами являются язык, культура, родная земля, историческое прошлое (Дробижева, Рыжова 2015: 17). Наборы таких же этноконсолидирующих признаков, приводимых другими авторами, свидетельствуют, что при важности выделенных индикаторов уровни их значения у разных народов неодинаковы и определяются различными факторами. Например, по данным Т.А. Титовой и В.Е. Козлова, в иерархии этноконсолидирующих признаков молодежи в Татарстане и для русских, и для татар на первом месте стоит язык (Титова, Козлов 2014: 123). По материалам опроса населения Республики Марий Эл, проведенного в 2019 г., для русских, марийцев и татар важнейшим показателем принадлежности к своему народу также является язык (Зеленева, Орлова, Шабьков 2020: 37). В Чувашии ситуация с этим фактором для русских не такая актуальная, но об этом немного ниже.

Для нас важно рассмотреть позицию респондентов со сложным этнокультурным выбором, и в данном случае можно констатировать, что их представления в одних случаях близки оценкам русских или чувашей (общая территория), находились в среднем положении (язык), были ближе к позициям чувашей (историческая судьба, религия), или же был отмечен дрейф в разные годы по такому фактору сближения, как национальные обычаи, привычки, обряды.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, что из перечисленного ниже сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом?» (%)

	Этнические группы, в т. ч.						Родные языки, в т. ч.		
	русские		чуваши		русские+чуваши		русский	чувашский	русский+чувашский
	2015	2017	2015	2017	2015	2017	2017	2017	2017
Общая земля, территория	55	49	55	45	48	49	49	46	43
Национальный (родной) язык	45	31	68	70	55	43	29	81	61
Национальные обычаи, привычки, обряды	25	20	43	36	38	20	21	42	24
Историческая судьба, прошлое	51	38	30	27	28	23	35	24	32
Религия	18	20	11	11	7	3	18	9	12
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	19	17	14	11	17	14	17	8	13

У лиц со сложной языковой идентичностью в 2017 г. отмечены различные позиции выделенных индикаторов. Обратим внимание на ситуацию с родным языком, как одним из центральных оснований этнокультурного выбора. Для чувашей она самая актуальная, что неудивительно. Заметна его значимость в качестве сближающего фактора и для респондентов со сложной языковой идентичностью, при этом следует обратить внимание на дистанцию с респондентами, выбравшими в качестве родного чувашский язык, и эта разница составила почти 20 процентных пунктов. Не такой высокий уровень его выбора у русских, и уменьшение его значимости как у них, так и у тех, кто выбрал более одной этнической принадлежности, связано, на наш взгляд, со снижением напряжения для русскоязычного населения в связи с известным заявлением В. Путина в июне 2017 г. в Йошкар-Оле о недопустимости нарушения принципа добровольности при изучении языков народов России. Обследование проводилось в октябре – начале ноября 2017 г., и русский язык уменьшил свое значение как фактор мобилизации в многочисленных дискуссиях о преподавании чувашского языка в учебных заведениях, прежде всего в школах. Если же сравнивать ситуацию в Татарстане и Чувашии, то в последней проблемы с восприятием преподавания родных языков не были такими острыми, хотя дискуссии велись

достаточно регулярно. В общей сложности варианты ответа на данный вопрос, на наш взгляд, дают основание вести речь об общей для респондентов со сложной этнической идентичностью специфике. В целом можно утверждать, что у всех трех выделенных групп (чуваши, русские, русские+чуваши) идентификационные представления оказались достаточно близкими и согласованными, выявленные дистанции между ними не свидетельствуют о принципиальных расхождениях, но дают основание говорить о наличии этнокультурной базы для понимания их определенной самобытности. В трех группах опрошенных со сложной языковой идентичностью по ряду индикаторов фиксируется значимая дистанция, в то же время в них проявляется влияние определенной части чувашей, которые родными для себя выбрали только русский язык или же русский наряду с чувашским.

Важным для нашего исследования представляется определение этнической лояльности, проявляющейся в ходе ответов на часто используемые вопросы об отношениях с лицами разных национальностей. Следует отметить, что замеры в Чувашии регулярно фиксируют весьма доброжелательные межэтнические отношения между представителями прежде всего старожильческого населения (чуваши, русские, татары, мордва, марийцы), одновременно наблюдается настороженное отношение к мигрантам, о чем мы будем вести речь немного ниже. По материалам, полученным в ходе опроса 2015 г., на вопрос о важности учета национальности при выборе друзей 16% русских и 17% чувашей ответили, что это лучше делать в среде лиц своей национальности. В составе выбравших смешанную идентичность подобные ответы встречались значительно реже и составили чуть более 3%. Подавляющее большинство опрошенных при ответе на этот вопрос полагало, что национальности не нужно придавать значения (77% русских, 76% чувашей и 92% респондентов со сложной идентичностью). Еще один вопрос касался такой деликатной сферы, как заключение браков, создания семей людьми разных национальностей. Положительные оценки у русских и чувашей в отношении этой проблемы были одинаковыми, таким образом высказались по 58% опрошенных из этих групп. Отрицательным оказалось восприятие у 4% русских и 10% у чувашей. Кроме того, примерно одинаково выбирались такие ответы, как «это меня не касается» и «смотря какой национальности». У русских+чувашей уровень одобрения подобных браков составил 83%, осуждения – 3%, остальные 14% выбрали нейтральные варианты ответов.

Отметим два момента. Во-первых, более высокий уровень предпочтений у чувашей и русских в сторону «своих» национальностей при выборе друзей и членов семьи, вовсе не означает, что они с этой точки нетерпимее, чем опрошенные со сложной этнической идентичностью. Речь идет о более привычных в этом отношении установках и стереотипах, которые вполне сочетаются с высокими положительными оценками уровня межэтнических отношений в республике. Во-вторых, по приведенным материалам можно предположить, что предпочтение в качестве собственных сложных этнических сочетаний побуждает к большей терпимости к «иным», по крайней мере, в подобных бытовых ситуациях.

В продолжение этих сюжетов рассмотрим отношение выделенных нами этнических групп к ситуации с мигрантами. В Чувашии достаточно давно прослеживается негативно настороженное мнение, которое базируется в числе других и на ряде установок, не основанных на реальном положении дел.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, необходимы ли современной России, в т.ч. Чувашии, трудовые мигранты?» (%)

	русские		чуваши		русские+чуваши	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, которые пытаются интегрироваться	9	12	5	10	24	15
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой	12	14	19	19	10	23
Да, необходимы и те, и другие трудовые мигранты	8	8	6	6	7	15
Нет, никакие трудовые мигранты не нужны России	55	54	50	48	45	29
Затрудняюсь ответить	16	12	20	17	14	18

В частности, значительная часть населения уверена (и опросы подтверждают это), что приезжие создают местным жителям конкуренцию на рынке труда. По данным официальной статистики, лица, прибывшие в республику на работу, не занимают и одного процента занятых, и не могут быть серьезным препятствием в этой сфере. С другой стороны, Чувашия, по материалам той же статистики, входит в первую пятерку регионов, которые делегируют своих жителей для трудовой деятельности в других областях и республиках. В самой республике рабочие места имеются, но уровень заработной платы многих соискателей не удовлетворяет. На этом фоне приезд «чужих» в республику воспринимается болезненно. Данные табл. 3 показывают, что русские в незначительной степени являются большими противниками приезда в республику трудовых мигрантов, чем чуваши, но в целом дистанция между ними не очень заметна. В то же время, русские+чуваши оказались в этом отношении лояльнее. Конечно, следует напомнить, что абсолютная численность респондентов, выбравших сложную этническую идентичность, достаточно невелика, поэтому приведенные показатели следует воспринимать с учетом этого. Но надо признать, что в целом соотношение показателей повторяется, и можно вести речь об устойчивых от опроса к опросу результатах.

Респондентов с различными родными языками также можно разделить на 3 группы по их отношению к необходимости мигрантов. Воспользуемся данными опроса 2019 г. и отметим, что среди опрошенных с родным русским языком доли высказавшихся за различные варианты привлечения мигрантов составили соответственно 10, 15 и 7%. Противников привлечения таких работников оказалось чуть более половины – 52%, затруднились ответить 16%. Логично, что сравнение этих данных с ответами этнических русских показывает их близкое сходство. Такой же вывод следует и при сравнении ответов лиц с родным чувашским языком, и этнических чувашей. Разница по от-

дельным позициям составила 2–3%. Чуть более заметная дистанция между ответами респондентов со сложной этнической идентичностью, с одной стороны, и сложной языковой идентичностью – с другой. Ответы последних на вопрос о необходимости трудовой миграции выглядели следующим образом: за – 11, 26, 9; против – 35 и затруднились ответить 19%. Дистанция в 6 процентных пунктов выявлена при выборе вариантов ответа о необходимости всех групп трудовых мигрантов и, наоборот, их необходимости в России и Чувашии. На этот показатель повлияла достаточно значительная группа этнических чувашей, заявивших о наличии у них двух родных языков.

Приведенные данные 2019 г. позволяют сделать следующие выводы. Из трех выделенных нами этнокультурных групп достаточно близкими друг к другу по отношению к мигрантам были русские и чувашаи, лица со сложной этнической идентичностью проявили в этом отношении менее жесткую позицию. Такая же тенденция получена при анализе ответов опрошенных с различными родными языками. Те из них, кто выбрал два родных языка, более лояльны к мигрантам по сравнению с респондентами, выбравшими или русский, или чувашский родной язык. Вместе с тем следует отметить, что особенности их ответов определили наличие в составе этой группы не только респондентов со сложной, но и с единичной этнической идентичностью, что уже было нами отмечено. Тем не менее, этот пример также показывает возможность и реальность выделения этнокультурной группы, основу которой составляют лица со сложной этнической и отчасти языковой идентичностью.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, приезд в Чувашию жителей из российских республик Северного Кавказа (Ингушетия, Северная Осетия, Дагестан, Чечня и др.) и государств Закавказья и Средней Азии (Азербайджан, Грузия, Армения, Узбекистан, Таджикистан и др.) следует каким-то образом ограничивать?» (2019, %)

	В том числе		
	русские	чувашаи	русские+чувашаи
Миграцию следует ограничивать для всех приезжающих из Кавказских и Среднеазиатских регионов	38	51	27
Миграцию следует ограничивать только из государств Закавказья и Ср. Азии, а из российских северокавказских республик не надо	20	15	29
Никакую миграцию ограничивать не следует	22	9	18
Затрудняюсь ответить	20	25	26

Приведем еще одно наблюдение об отношении к гипотетическому запрету на приезд в Чувашию мигрантов не только из зарубежья, но и российских республик Северного Кавказа. Вопрос анкеты по этой проблеме является провокационным, поскольку он противоречит российской Конституции, гарантирующей гражданам страны свободное передвижение в ее внутренних границах. Но уже нескольких лет,

с тех пор как в анкетах появился этот вопрос, около 40–50% респондентов считают возможным ввести запретительные меры, ограничивающие прибытие в Чувашию всех мигрантов из Кавказского и Среднеазиатского регионов (табл. 4).

Конечно, такая позиция отражает и косвенное отношение опрошенных к содержанию общегражданской идентичности, как бы исключая возможность такого самоопределения для части россиян. В данном случае не будем останавливаться на этой проблеме, для нас важен сравнительный показ отношения к ней представителей трех этнических групп. Можно констатировать, что чувашаи+русские в заметно меньшей степени поддержали запретительную тенденцию для всех мигрантов из обозначенных регионов (27%). В то же время они чаще выступали против приезда иностранцев из бывших республик СССР.

Дистанцию между ответами на этот вопрос лиц с разными родными языками можно охарактеризовать следующим образом. В 2019 г. среди тех, кто имел в качестве таковых русский или чувашский язык, выбор вариантов был закономерно близок к мнению русских и чувашей, разница составляла 2–3 процентных пункта; и только среди тех, кто затруднялся ответить, в обеих группах она равнялась 5 процентным пунктам. Выбор вариантов ответа на этот вопрос у лиц со сложной языковой идентичностью выглядел следующим образом: 44, 19, 9 и 28%. Понятно, что показатели этого цифрового ряда представляют сумму мнений лиц со сложной этнической идентичностью и тех, кто считает себя только чувашами.

Реальная возможность выявления этнокультурных границ между группами респондентов – рассмотрение выбора ими наиболее значимых для себя идентичностей в глазах окружающих, среди которых выделены этническая, общегражданская и региональные. Можно было выбрать до двух ответов (табл. 5). Обратим внимание, что в рамках косвенной самоидентификации этническая принадлежность в большей степени проявлена у чувашей и лиц с родным чувашским языком, и она находится примерно на одном уровне с поселенческой.

Эта же категория опрошенных также более заметно была настроена на восприятие в глазах других представителями «своей» республики. Русские с этой точки зрения отставали от них весьма заметно. Респонденты со сдвоенной идентичностью в 2017 г. были ближе к русским, в 2019 г. – к чувашам. Примерно такое же соотношение идентификационных оценок у трех этнических групп отмечено при выборе общегражданской идентичности («как россиянина»). Отметим также, что этот выбор был самым популярным в ходе обоих опросов для всех этнических групп, как и для лиц с различными родными языками. «Отставание» русских и лиц с родным русским языком от чувашей при выборе региональной идентичности, конечно, не свидетельствует о более негативном отношении к республике. Речь идет об этнокультурных возможностях для чувашей, которые чувашами могут быть реализованы практически только в республике. Имеются в виду участие в развитии «своей» государственности, возможности обеспечения этнокультурных потребностей, связанных с историей, культурой, образованием, литературой и искусством, языком и т.д. С этой точки зрения чувашаи более близки к сдвоенной идентичности (региональной и общегражданской). Русские+чувашаи в этом смысле находятся в условно срединном положении, и эта позиция фиксируется.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «В повседневной жизни внутри страны (в том числе на работе, учебе), как Вас в первую очередь должны воспринимать окружающие?» (%)

	Этнические группы, в т.ч.						Родные языки, в т.ч.		
	русские		чуваши		Русские+чуваши		русский	чувашский	русский+чувашский
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2019	2019	2019
Как представителя Вашей национальности	3	13	15	20	9	15	10	24	16
Как жителя Чувашии	21	20	51	48	31	47	23	52	46
Как жителя своего села, города	16	24	17	19	11	12	23	19	16
Как россиянина	81	74	59	62	77	59	75	59	62
Другой ответ, затр.	7	3	5	4	–	15	4	4	4

Еще одна возможность выявить собственную позицию лиц со сложной культурной идентичностью проявляется в их отношении к проблеме сохранения национальной самобытности. Обсуждение таких проблем было крайне актуальным в конце 1980-х – начале 1990-х годов, затем острота, по крайней мере внешне, снизилась. Новый импульс для оживления разговоров о сохранении и развитии, в первую очередь родного (чувашского) языка, был получен в ходе расширяющихся дискуссий о необходимости обязательного его обучения во всех образовательных учреждениях республики, а затем уже после упоминавшейся оценки В.В. Путиным такого подхода. В ходе опросов и 2015 г., и 2019 г. большинство русских или не видели факта реальной опасности для сохранения своей самобытности, или же не задумывались над этим вопросом (табл. 6). Отметим также, что к нынешнему моменту, по сравнению с концом 1980-х – начала 1990-х гг., для русских чувашский язык как социально дистанцирующий фактор в значительной мере потерял свое значение.

У чувашей установки на такую групповую ценность, как национальная самобытность, выражены заметно отчетливее, чем у русских, что и проявилось в их ответах. Половина чувашей была уверена, что такая опасность в той или иной степени существует, другая половина не видела ее или же не размышляла по этому поводу.

Респонденты, воспринимавшие себя и чувашами, и русскими, при определении реальной опасности были ближе к оценкам русских. Если же мнение склонялось к опасности, которую не стоит преувеличивать, то их позиции были близки к «чистым» чувашам. Но доля тех, кто не видел никакой опасности, была в значительной мере близкой к оценке ситуации русскими участниками опросов. Доля никогда не задумывавшихся о сохранении своей культуры и языка среди них оказалась наименьшей.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культура и др.)?» (%)

	русские		чуваши		русские+чуваши	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Существует реальная опасность	2	6	13	19	3	9
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	17	8	35	32	38	29
Никакой опасности нет	48	57	18	26	41	50
Никогда не задумывался об этом	33	29	34	23	17	12

В ответах участников опроса, распределенных по группам по выбору родных языков, выявлены отдельные особенности, которые проявились следующим образом. Если в 2019 г. среди русских насчитывалось 14% опрошенных, которые считали в той или иной степени реальной наличие опасности для национальной культуры, то среди респондентов с родным русским языком таковых оказалось 22%. Разница в 8 процентных пунктов увеличилась за счет ответов этнических чувашей, для которых родным языком был русский. Опрошенные с родным чувашским языком отвечали почти таким же образом, как лица, считавшие себя чувашами, разница не превышала 2 процентных пункта. У лиц со сложной языковой идентичностью ответы соответственно были следующими: 17, 30, 27 и 26%. Сравнение показывает, что их оценки практически ничем не отличались от ответов чувашей в том же 2019 г. Следует подчеркнуть, что в ходе всех опросов, дискуссий и т.д. о проблемах бытования и сохранения национальной культуры, в нашем случае чувашской, наиболее активно начинают обсуждаться проблемы языка. Приведенные данные подтверждают наличие этой проблемы и ее достаточно острое восприятие среди лиц со сложной языковой идентичностью. Надо также отметить, что в данном случае этнокультурная самобытность лиц со сложной языковой идентичностью по сравнению с подобной характеристикой респондентов с родным чувашским языком сведена к минимуму.

Рассмотренный сюжет вызывает вопросы и о содержании понятия «национальная самобытность» у лиц, выбравших сложную культурную идентичность. Безусловно, в данном случае не подойдут не только точные, но достаточно приблизительные измерения долей русской самобытности и чувашской самобытности, не говоря уже о трудностях в их понимании. Скорее всего, можно говорить о ситуативности в каждом конкретном случае. Например, можно утверждать достаточно твердо, что часть относящих себя к сложной этнокультурной группе обеспокоена ситуацией с реальными проблемами, которые сложились с преподаванием чувашского языка, его сохранением и развитием. Определенная доля респондентов проявляет озабоченность по поводу ситуации с состоянием литературы, издаваемой на чувашском языке, возможностями чувашезычного СМИ и др. В то же время для кого-то из этой группы важными являются те же проблемы, характерные для русскоязычного телевидения, киноискусства и т.п. Что имеют в виду респонденты, отвечая на данный вопрос, ответить затруднительно. Вполне возможно, что в данном случае частично наблюдаются элементы

реанимации идентичности, о чем писал М.Н. Губогло, когда во внимание принимается восстановление знания определенного языка, элементов культуры и др. на основе представления об этнических идентичностях родных и близких (Губогло 2003: 35).

Отчасти эта проблема раскрывается не столько в оценках различных этнокультурных проблем, сколько в ситуации с реальным использованием языков в семейной сфере. Естественно, встречаются ее различные варианты, например: общение с детьми, родителями, супругами, в городской и сельской местности и т.п. Для нас важна общая картина бытования русского и чувашского языков в понимании представителей трех этнических групп. Цифры, приведенные в табл. 7, показывают, что обеспокоенность представителей чувашской гуманитарной элиты, государственных и общественных деятелей проблемами сохранения чувашского языка имеет реальную почву. Из самих чувашей пользуются в семейном кругу только чувашским языком лишь чуть более трети. Для респондентов с родным чувашским языком характерно более широкое применение его в домашних условиях, хотя ситуация красноречиво демонстрирует, что и здесь чувашский язык уступает позиции русскому. На русском языке говорили 11% из их числа, на чувашском – 55%, на обоих языках – 34%. Из опрошенных, выбравших два родных языка, заметная часть для общения в кругу семьи отдавали предпочтение русскому языку (33%). На чувашском языке общались 13%: и на чувашском, и на русском – 53%. При этом следует понимать, что речь не идет о противопоставлении чувашского и русского языков. Последний имеет значительно больший потенциал для развития и расширения коммуникационных возможностей, восприятия и создания культурных ценностей и др. Напомним, что это материалы этнологического мониторинга всего населения республики, а в молодежной среде использование чувашского языка отстает и от этих показателей.

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос «На каком(их) языке(ах)
Вы обычно говорите дома?» (%)**

	русские		чуваша		русские+чуваша	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019
русский	99	100	25	24	57	71
чувашский	–	–	34	38	14	3
русский и чувашский	1	–	41	37	29	26

Например, по данным опроса студенческой молодежи в 2018 г., среди чувашей дома говорили на нем 29% респондентов, в то время как на русском 43%, а остальные 27% пользовались и русским, и чувашским языком. Молодые люди со сложной идентичностью использовали чувашский язык в 11% случаях, русский – в 57%, а русский и чувашский – в 32%. Здесь еще более проявились сюжеты, о которых говорят люди, обеспокоенные снижением роли чувашского языка в самой Чувашии.

Но это отдельная проблема, а мы опять обратим внимание на то, что среди студентов, для которых реальной оказалась смешанная этнокультурная идентичность, характерна позиция, дающая основание говорить об одновременной принадлежности и к той, и к другой этнической группе.

Говоря об участниках обследования со сложной этнической и языковой идентичностью, следует отметить, что в статье речь в основном идет о тех, кто считает себя одновременно и чувашами, и русскими. Выбор не одного, а двух и более родных языков, в нашем случае русского и чувашского, также стал основой для выделения отдельной группы среди опрошенных. При этом доля таких заметно больше, но, по нашим наблюдениям, проявляемая ими специфика в отношении некоторых вопросов этнокультурного характера отчасти нивелируется мнением тех, кто выбирает одновременно отдельную этническую и сложную языковую идентичность. Имеется в виду прежде всего влияние респондентов, считающих себя только чувашами, но выбирающих два родных языка – чувашский и русский.

В конкретных примерах, описанных нами, в большинстве случаев фиксируются особенности оценок этнокультурных ситуаций лицами со сложной этнической и языковой идентичностью. Но все же стоит заметить, что система оценок от ситуации к ситуации не остается жестко закрепленной. По отношению к отдельным случаям мнения представителей группы «русские+чуваша» ближе к мнениям этнических русских, по другим вопросам – к мнениям чувашей. Закономерно, что русские+чуваша чаще других выступают за саму возможность сложного этнокультурного выбора. Обратим также внимание на то, что эти респонденты в своих ответах проявляют значительную степень близости к проблемам чувашского языка, и степень этой близости заметно выше уровня его реального применения ими на бытовом уровне (скажем, в семейном кругу). Иначе говоря, наличие обеспокоенности не влияет или же мало влияет на собственное языковое поведение. Такие показатели свидетельствуют о восприятии ими понятия «родной язык» как некоего символа этноса; речь о так называемой символической функции языка, в отличие от его прагматической функции – как средства общения. К тому же нередко отношение к родному языку зависит от периодически усиливающихся публичных дискуссий о необходимости сохранения языкового разнообразия в стране. В последние несколько лет они приобрели новое звучание в связи с введением добровольного изучения родных языков в школьном образовании.

Зафиксированные предпочтения выделенных нами групп, хотя и характеризуются некими общими взглядами на этносоциальные ситуации, в каждом конкретном случае могут быть достаточно произвольными, находясь чаще всего между позициями «чистых» русских и чувашей без жестко определенного дистанцирования. С этой точки зрения убедительной представляется идея о путешествии «индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы возникают в результате дрейфа идентичности» (Тишков 2003: 123).

Научная литература

- Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования, 2014. № 7. С. 102–112.
- Бойко И.И., Харитонов В.Г. Сложные этнические идентичности: проблемы измерения // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году: ежегодный доклад. М.: ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 140–146.
- Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. Т. 8. № 2. С. 142–163.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

- Дробижеева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования, 2015. № 5. С. 9–24.
- Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. (авт.-сост.) Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): науч.-статистич. бюллетень. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020.
- Низамова Л.Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований: сб. статей к юбилею Леокадии Михайловны Дробижеевой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 171–183.
- Тишков В.А. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. ИЭА РАН. М.: Наука, 2011.
- Титова Т.А., Козлов В.Е. Этническая идентичность в структуре социальной идентичности молодежи Республики Татарстан (на примере групп этнического большинства) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25–27 сентября 2014 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 121–125.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 годов. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 2005.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Хабенская Е.О. Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. Вып. 20. http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml.

Boyko, Ivan I., Alevtina Dolgova and Valentina Kharitonova*

On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120

Materials of the sociological surveys of the population of Chuvashia in 2015-2019 on the problems of ethno-cultural development and interethnic relations in the Republic are presented. Russian and Chuvash languages have been identified as native languages. The results indicating that a part of the respondents choose a complex ethnical and linguistic identity and feel themselves as both Russians and Chuvash are quite stable. Choosing two (rarely three) native languages is usually two to three times more common than recognizing oneself as a carrier of a complex ethnic identity. Comparison of judgments about certain ethno-cultural situations suggests that it is possible to distinguish a group of people, primarily with a complex ethnic identity, into a relatively independent group, drifting with their own assessments and preferences between groups of Russians and Chuvash, with the transition in certain issues of the boundaries of groups, whose opinions they mostly adhere to.

Keyword: *the Chuvash Republic, self-identification, ethnicity, native languages, cultural complexity*

For Citation: Boyko I.I., A.P. Dolgova, and V.G. Kharitonova. 2021. On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 104–120

- ***Boyko Ivan I.** – Dr. (Hist.), Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: boyko2003@yandex.ru
- Dolgova Alevtina P.** – PhD, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: enzenz@yandex.ru

Kharitonova Valentina G. – PhD, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: val1957@rambler.ru
The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152)

References

- Arutiunian, Yu.V., and L.M. Drobizheva. 2014. Proidennnye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii [Covered ways and some problems of modern Russian ethnosociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 102–112.
- Boiko, I.I., and V.G. Kharitonova. 2016. Slozhnye etnicheskie identichnosti: problemy izmereniia. [Complex ethnic identities: problems of measuring]. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2014 godu: ezhegodnyi doklad* 1: 140–146. Moscow: IEA RAN.
- Drobizheva, L.M., and S.V. Ryzhova. 2015. Grazhdanskaia i etnicheskaia identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii. [Civil and ethnic identity and image of the desired state in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 5: 9–24.
- Guboglo, M.N. 2003. *Identifikatsiia identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: ethno-sociological essays]. Moscow: Nauka.
- Khabenskaia, E.O. 2006. Etnicheskaia identichnost': podkhody k problem. [Ethnic identity: approaches to the problem]. *Biulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniia* 20. [http:// world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml](http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml)
- Nizamova, L.R. 2013. Smeshannye etnicheskie identichnosti v mul'tikul'turnom obshchestve. [Ethnic identity: approaches to the problem]. In: *Etnosotsiologiia v Tatarstane: opyt polevykh issledovaniia: sb. statei k iubileiu Leokadii Mikhailovny Drobizhevoi*. [Ethnosociology in Tatarstan: field research experience: collection of articles dedicated to the anniversary of Leokadia Mikhailovna Drobizheva], 171–183. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem on ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2005. *Etnologiia i politika: stat'i 1989–2004 godov* [Ethnology and politics: articles in 1989–2004]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2011. *Rossiiskaia natsiia: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian nation: formation and ethno-cultural diversity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
- Titova, T.A., and V.E. Kozlov. 2014. Etnicheskaia identichnost' v strukture sotsial'noi identichnosti molodezhi Respubliki Tatarstan (na primere grupp etnicheskogo bol'shinstva) [Ethnic identity in the structure of social identity of the young people of the Republic of Tatarstan (on the example of ethnic majority groups)]. In: *Pozitivnyi opyt regulirovaniia etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: materials of the all-Russian scientific and practical conference] Kazan', 25–27 sentiabria 2014 g., 121–125. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT.
- Viner, B.E. 2005. Formy etnichnosti, byvaet li u etnosa sushchnost' i chto storonniki akademika Bromleia mogut vziat' u novykh teorii [The forms of ethnicity, whether an ethnos has an essence and what supporters of academician Bromley can take from new theories]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. Vol. 8. 2: 142–163.
- Zeleneeva, G.S., O.V. Orlova, and V.I. Shabykov. 2020. *Mezhkonfessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniia v Respublike Marii El (materialy sotsiologicheskogo issledovaniia 2019 goda): nauch.-statistich. biulleten'* [Interfaith and interethnic relations in the Republic of Mari El (materials of a 2019 sociological study)]. Ioshkar-Ola: MarNIIaLI.